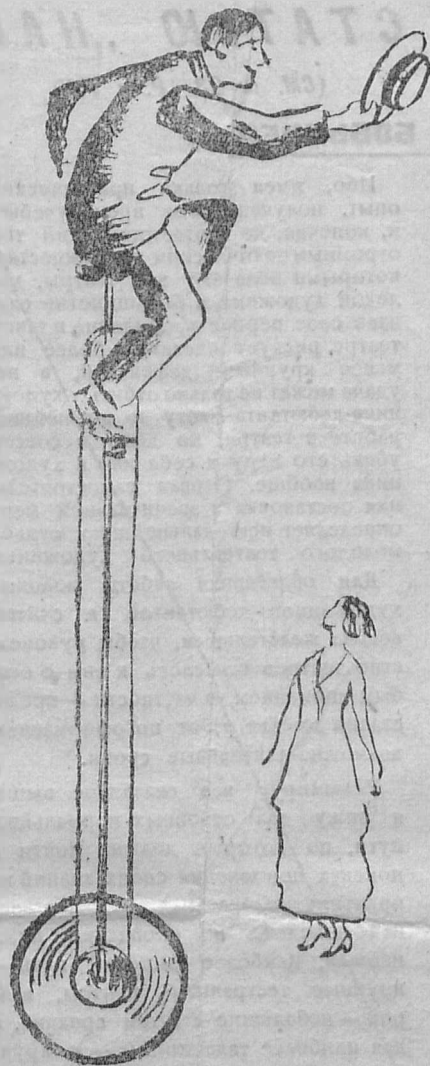

В этом году мюзик-холл все свою экспериментаторскую творческую работу вынес, так сказать, за скобки. А пока суть да дело, открылся совершенно провинциальной по принципу своей организации программой. Где-то в тиши мюзик-холльных кулис мастерская Н. П. Акимова, организованная при Мюзик-холле, ищет новые формы мюзик-холльного спектакля, и правильно, что руководство Мюзик-холла дает ей возможность не спеша строить свою работу. Но, левой ногой экспериментируя и, так сказать, поощряя живую творческую мысль, вышеназванное руководство правой своей ногой нажимает педали заходистого кино-дивертисмента, по истине неслыханного на первоклассной площадке одного из передовых театралных центров Советского союза.

Разговорная часть представлена в программе двумя развернутыми номерами. Первый из них носит в высшей степени легкомысленное название — „Подуйте мне в глаз“ и представляет собой старинный водевиль, исполняемый *Таскиным и Лавровым*. Старинный водевиль—вещь, ничего не скажешь, чудесная, в мюзик-холле его показывать отнюдь не возбраняется. Но выбор самого текста, мягко говоря, трудно объяснить. Среди всей массы старинных водевилей, оставшихся нам в наследство от прошлого века, водевилей подчас острей, умней и наблюдательней, выбран совершенно ерундовый и бессмысленный. Мы не станем рассказывать его содержания, оно положительно не заслуживает этого, достаточно сказать, что даже единственное оправдание, которое мог бы этот номер иметь — доподлинный юмор — в очень малой степени присущ ему, тем более, что и исполнители разыгрывают водевиль совсем не по-страданному — тяжело и не четко.

Второй номер, — сцена Швейка с фельдкуратором, исполняемая *Вальяно и Кабатченко*, — также мало оправдал себя на мюзик-холльной площадке. Вырванный из контекста всего спектакля Молодого театра, из его образной системы, номер получился в достаточной степени бесцельным и неострым, несмотря на то, что исполнитель роли Швейка Вальяно работает с настоящим и очень своеобразным юмором.

Уйдя от современного материала в этих двух номерах, Мюзик-холл возвращается к пему в центральном номере своей программы — в выступлении В. Я. Хенкина. О Хенкине, собственно, говорить нужно много и серьезно. Его настоящее, сочное и жизнерадостное дарование оправдывает многое в той текстовой чепухе, с которой он выступает. Но на этот раз Хенкин и в смысле текста выше своего обычного уровня. Лекция о черных глазах — очень не плохо задуманная пародия на всех и всяческих ханжей, выступающих против так наз. легкой музыки. Хенкин делает ее очень мягко, без какого бы то ни было акцентирования, и номер абсолютно правильно доходит до аудитории. Но как подает Мюзик-холл вы-

Мюзик-холл. Арт. 2 Броунинг 2
(Рис. А. минчиковского)

ступление Хенкина! В качестве образцов для мюзик-холла послужили по всей видимости провинциальные выходы гипнотизеров или укротителей, с той только разницей, что здесь это делается на, так сказать, высокой технической основе. Перед зрителем вырастает огромный электрический плакат „заслуженный артист Владимир Яковлевич Хенкин“. Плакат, опускаясь, образует торжественный помост, по которому и выбегает исполнитель. При этом не хватает разве что барабанной дробы и 36 униформистов с фанфарами. Эта дешевая и глубоко провинциальная манера подачи номеров ставится в сборных программах единственной формой творческой активности Мюзик-холла.

Этими тремя номерами смысловая нагрузка программы ограничивается. Нельзя сказать, чтобы это было слишком много.

Дальше идут номера, никакого отношения к Мюзик-холлу не имеющие. Певец *Нечаев*, исполняющий арию Ленского и Вертера, скрипач *Рейсон*, балетные артисты *Дудинская и Каплан* — вот перечень хорошего доброкачественного дивертисмента, вкомпанованного в программу. Объ-

яснять включение этих номеров культурническими задачами Мюзик-холла не стоит. Чтобы быть последовательным в этом культурничестве, надо было бы оркестр под управлением Дунаевского заменить симфоническим оркестром под управлением Гаука, а на самой сцене ставить сокращенные варианты шекспировских трагедий. В свое время Мюзик-холл включал в свою программу „Голубую рапсодию“ Джозефа Гершвина в исполнении А. В. Зейлигера, и это было делом понятным и законным. Гершвиновская музыка по своей специфике очень эстрадна и именно в мюзик-холле в высококачественном фортепианном исполнении она должна найти свое место. Но оперирование с достаточно заезженной классикой — это, конечно, не столько культурничество, сколько беспомощность, сколько неумение искать и находить настоящие высококачественные эстрадно-художественные ценности.

Певца *Новикова*, мастерски владеющая искусством жанрового пения, исполняет совершенно неприличные по качеству текстов песни. „Красная Москва“, в которой рассказываются чуть ли не все коммунальные доблести нашей столицы, — это поистине вершина зловредного возмутительного приспособленчества.

Наконец, превосходный номер мимотехники Страйта. Страйт работает великолепно. Виртуозная шифровка разговора между отгадывающим и его партнером по заслугам принимается аудиторией. Цирковые номера программы — икарийские игры Исатани, велосипедисты Броунинг — на достаточной высоте. Но этого для целой программы как будто маловато, тем более, что номера балетного ансамбля — фактически единственные номера, сделанные самостоятельно Мюзик-холлом, очень слабы. Олеографически инсценированный вальс Шопена справедливо может быть сочтен одной из скандальнейших по безвкусию неудач ансамбля.

Пестрота и отсутствие какого бы то ни было композиционного хребта в программе определяются, конечно, не тем, что на открытие опоздал конференсье Гаркави и не тем, главное, что Мюзик-холл отказался от построения цельных спектаклей. Пестрота первой программы этого сезона тягостна прежде всего своей необычайной жанровой беспринципностью. Мюзик-холл как зрелище большой, легкой и жизнерадостной развлекательности уступает место громоздкому и крайне неуклюжему дивертисменту. Мюзик-холла в этой программе нет.

Советский мюзик-холл, по-настоящему разнообразный, но не пестрый, собирающий в себе все действительно ищущее, умное и композиционно новое, что есть на советской эстраде, легко завоеует своего постоянного зрителя. Мюзик-холл как ассортимент случайных номеров, отрывков — должен умереть. Мюзик-холл как театр блестящей выдумки, виртуозной техники и острой творческой мысли — должен жить и будет жить.